

Читайте в серии:

Дилогия «Проклятая деревня»:

«ЗМЕИНЫЕ БОГИ»
«МАЛАХИТОВОЕ СЕРДЦЕ»

Лизавета Мягчило

Сдиночные романы:

«ПРОКЛЯТАЯ КНЯЖНА»

Евгения Кретова

«ШЁПОТ МОРЕНЫ»

Евгения Кретова

«БРУСНИЧНОЕ СОЛНЦЕ»

Лизавета Мягчило

«АКАДЕМИЯ «ТЕРЕМ»

Кристина Миляева

БРУСНИЧНОЕ СОЛНЦЕ

ЛИЗАВЕТА МЯГЧИЛО

Freedom

Москва
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М99

Иллюстрация на обложке
Lotur Norn

Художественное оформление
Марии Кияниченко

Мягчило, Лизавета.

М99 Брусничное Солнце / Лизавета Мягчило. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. — (Young Adult. Вкус страха. Мистические истории).

ISBN 978-5-04-215650-2

Жизнь барской дочери легкая и предопределенная: започлужи в мужья достойную партию и привыкай господствовать в новом доме. Но Варваре Глинке, полюбившей давешнего друга и художника, такое не по душе. Сумеет ли она избежать навязанного брака при помощи переданной умирающей бабушкой черной магии и странных образов нечистого, ведущего на деревню русалок да упырей с болот? Проходя тяжелые испытания судьбы, барыня поймет, что мир не полнится одним лишь людским: ей предстоит поразмышлять над своей горькой участью с домовым, просить подсказок у лешего и сражаться с утопцами, способными утянуть на дно... В новой действительности Варвары нет места балам и чаепитиям, холод топи заменяет ей тепло объятий, а запах сырости и гнили — аромат чайных роз. Сможет ли Варвара уйти от нежити или станет одной из них?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215650-2

© Лизавета Мягчило, 2024
© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

Мальчик с волчьим взглядом

Мир несправедлив. За добро не всегда отплатят тем же, а за зло не накажут, ежели у него сильнеешие покровители. С этой суровой правдой Варваре пришлось столкнуться в неполные восемь лет.

Низенькая лошадка, подаренная матушкой на именины, беспокойно гарцевала под искусно отделанным седлом. Звенела закушенная уздечка, из ноздрей в морозный воздух вылетали плотные клубы белого пара.

В сажени от нее на белом хрустящем снегу, широко раскинув руки, лежала молодая красивая женщина. На ее грубой шерстяной накидке иссиня-черного цвета так сразу и не приметить четырех дыр от вил. Пронзительно-голубые глаза были пусты и упирались в бескрайнее хмурое небо. А вокруг так красно, так красно... Алая лужа слишком велика, от нее еще шел слабый пар, в воздухе стоял ядреный запах железа. Рот мигом наполнился слюной. Варвара испуганно всхлипнула.

— Ох, что же это, Николай Митрофанович, творится-то такое? Убили девку, убили! — Подручный батюшки спешился, быстрым движением снял ее с лошадки и прижал

ЛИЗАВЕТА МЯГЧИЛО

лицом к плотному вороту тулупа. — Не глядите, Варвара Николаевна, не глядите туда...

— Сказано было тебе забирать ее в поместье, куда ребенка привез?! — В отцовском голосе звенела злая сталь, да только ее это не испугало больше нынешнего.

Перед широко распахнутыми глазами застыл образ мертвой женщины и широкоплечего мужчины с вилами. Стоял, скалился, а глаза злые и безумные, что у пса бешеного.

Вокруг охал и ахал народ, но говорить без разрешения посмурневшего барина никто не отваживался. Бледные молодые девки жались друг к другу, отступали ближе к избам. А мужики сочувствующе цокали и тихо сплевывали горькую слюну, отводя глаза от остывающего трупа.

Дикий крик встретил их на подъезде. Впервые за долгое время батюшка нашел время на прогулку с нею. Вот уж где радость была у Варвары — ни вдохнуть, ни выдохнуть. С отцом всегда было спокойно: неспешная уверенная речь и горячие обнимающие руки. Рядом с ним не сковывало смущение, как порою бывало с суровой и требовательной матушкой. Николай Митрофанович говорил не об уроках и ее заслугах, батюшка всегда интересовался ее душевным самочувствием, благодушно слушал о чаяниях, надеждах и наивных детских мечтах.

В эту прогулку Варвара с таким самозабвенным восторгом говорила о своем первом детском бале, что не заметила, как лошади их дошли до ближайшего села Калиты. Среди морозных, сверкающих под полуденным солнцем просторов уже вырисовывалась аккуратная неприметная церквушка. С последним колокольным звоном раздался душераздирающий женский крик. И отец послал галопом лошадь,

БРУСНИЧНОЕ СОЛНЦЕ

велев ехавшему чуть одаль подручному отвезти дочь обратно в имение Глинки. Несколько мигов девочка наблюдала за тем, как искрящими брызгами разлетается снег под подковами гнедого скакуна Николая Митрофановича, а затем она отправила следом свою низенькую лошадку. Быстро. Так, что холодный воздух заперло в груди, а в ярко-красные щеки впился кусачий ледяной ветер. Сзади закричал подручный Агап, резво нагнал конским галопом, но перехватить поводья из ее рук не отважился. Сломай барская дочка шею, и его бы обезглавили.

Как же сильно она пожалела, что ослушалась отцовского наказа.

— Не гневайся, барин, одолжение народу сделал — ведьму я местную прибил. Жене моей отраву продала, чтобы дите ни в чем не повинное сбросила. — Мужик низко склонился, выпуская древко вил из рук.

Из толпы послышался визгливый женский крик:

— А как же твоей жене к ней не идти, как не узнать, сделал ли ты, окаянный, двенадцатого? Впроголодь детишки живут, одну рубаху друг за другом донашивают, а ты все приrostком думаешь!

Того переменяло, резко разогнувшись, он было дернулся к толпе.

— Твое ли дело, Фекла?! Аль сама к ней на причащение чаще, чем в церковь, бегала?!

— А ты теперь ее ребятенка доглядывать станешь? Сделал он сиротой мальчишку, барин, взял грех душегуб на душу свою черную!

Зашумел, заволновался люд, а над этим ропотом ледяной злостью пронесся голос Николая Митрофановича:

— Кто право дал тебе ее судьбу решать?! Что с бабой своей совладать не смог, то не ее заслуга. — Мужик снова

ЛИЗАВЕТА МЯГЧИЛО

дернулся вниз в испуганном поклоне, а отец повернулся к подручному. — Коль уж тут, то скажи, Агап, за исправником. Варвара уже все разглядела, так пушай понимает, что за каждое деяние воздается при жизни или в посмертии. Пушай знает, что крепостные опасны и жестоки, коль распускаются. С ними строгостью надобно.

Подручный спустил ее с рук, нервно пригладил растрепанную бороду и резво вскочил в седло. Лошадь испуганно всхрапнула, дернулась от тела, но послушалась твердой руки и скоро набрала нужный темп. Варвару же батюшка примостил перед собой в седле, а после продолжил разговор:

— Где ныне ее сын?

Выкрикивающая из толпы женщина вышла вперед, склонилась. Из-под шерстяного платка выскользнула темно-русая коса и чирикнула кончиком по сугробу.

— Так заперли его, барин. Наши мужики его в конюшнях закрыли. Жалко хлопца, да только что ж уже поделывать? Дело сделано, ежели он на вилы да топоры полезет, ничем хорошим не обойдется.

— Привести его, — коротко, властно, прижимая к себе дочь, сказал барин и снова повернулся к душегубцу. — Снимай тулуп да накрой тело. Рожу не криви, моли Господа, чтоб ты до святок дожил. Будь на то лишь моя воля — обезглавил бы, и дело с концом. Повезет тебе, дурень, ежели в ссылку отправить изволят.

Тот запыхтел, покраснели уши, а верхнюю одежду снял, швырнул не глядя в сторону мертвой женщины.

К коням уже волокли выдирающегося из мужицких рук тощего парнишку. То был худой волчонок в потрепанной разорванной одежде и с налитым синяком от виска до уха: видать, в перепалке с селянами ему здорово досталось. Но

БРУСНИЧНОЕ СОЛНЦЕ

их больше, а у простого люда все решает сила. Черные ко-
лодца глаз, остроскулый, длинный, он был немногим стар-
ше ее самой. Скорее всего, сироте было лет двенадцать,
не больше. Голос еще не надломился, не налился силой
и грубостью. Но ноты... Пропитанные гневом и таким зве-
риным отчаянием, они жгли, заставляли душу тревожно
ворочаться.

— Будьте вы прокляты, ироды! Каждого загублю, никого
не пощажу! Что ж вы за звери такие?! Нелюди!

Он давился собственными хрипами, задыхался. А затем
взгляд мальчишки наткнулся на тонкую кисть, выглядываю-
щую из-под выделанной овчины. Сирота запнулся и рас-
плакался. Молча, просто потекли слезы по перемазанному
кровью и грязью лицу, прочертили бурые дорожки, сры-
ваясь с по-девичьи острого подбородка. Сердце Варвары
защемило, забило тупой ноющей болью.

Впервые она увидела смерть, все казалось неправиль-
ным, диким. Будто уличный кукольный театр в искусно
вышитых тряпицах. Сейчас все захлопают в ладоши, и жен-
щина обязательно поднимется. А она все не вставала. И не
встанет уже никогда.

— Верно говорит мужик, ведьмой твоя мать была?

Он промолчал, глянул на барина исподлобья и упрямо
сжал губы, вытирая покрасневший нос рукавом. Николай
Митрофанович только нахмурил брови.

Из толпы услужливо понеслись непрошенные ответы:

— Дык все умела она, барин, грудничков лечила от лихо-
дейки¹ да мужиков, хвативших после тяжелой работы, от
вырождения пупа².

¹ Народное старославянское название лихорадки.

² Название пупочной грыжи в XVIII веке.

ЛИЗАВЕТА МЯГЧИЛО

— А к вашей барыне? К вашей барыне она-то ходила, головницу зашептать, коль врач помочь не сумел.

— Все она умела, нужды не знали, хорошей знахаркой была.

— И Якова ж научила, он сегодня моей Каське сглаз поутру убрал, орала ж дурниной со вчерашнего полудня.

— Да, не забывала про хлопца своего, достойным премником растила...

— Так что ж вы стояли, когда она бегством спасалась да помощи просила?! — С отчаянным хриплым криком к небу взлетело облако густого пара. Парнишка снова попытался выдраться из хватки мужиков. И они разжали руки. — Маменька, не успел. Как мне жить без тебя-то, моя маменька...

Он упал на снег, пополз к прикрытой матери, выскуливая проклятия через горькие слезы. Сбросил тулуп, положил ее голову на колени, нежно, трепетно проводя дрожащими пальцами по бледным бескровным щекам.

И его горе, такое густое, такое едкое, заставило Варвару ужом выскользнуть из отцовских рук, сделать несколько робких шагов в его сторону. Так жалко, так больно... От одной мысли, что у нее отнимут родную матушку, становилось худо. Страшно было, что не услышит она больше глубокого чарующего голоса, не уткнется носом в цвета каштана мягкие пряди волос.

В своей боли Яков был безутешен, Варвара замерла в паре шагов, в нерешительности протянула пальцы, обтянутые теплой перчаткой, да так и не отважилась. Что сейчас причинит покой его душе? Нет на свете такой вещи или мысли.

— Вот что, Яков, мать твою отпоют и достойно похоронят, я распоряжусь. Тебя отправляю в Московскую ака-

БРУСНИЧНОЕ СОЛНЦЕ

демию, коль такой талантливый: грамоту и счет узнаешь, на врача учиться будешь. Приедешь, служить моему роду барскому станешь, тогда и дарю тебе вольную с землею. А ежели желаешь, оставайся здесь, изба материнская при тебе будет, но спуску здесь никто не даст, наравне с другими трудиться станешь и обиду свою на селян позабудешь, виновный один, и он будет наказан.

Яков замер. Приткнулся лбом к материнскому, прикрыл глаза. И слезы его крупными жемчужинами срывались с подбородка и длинного острого носа, падали на щеки женщины. Казалось, что она плакала вместе со своим сыном. Так же сильно и безутешно тосковала по отнятому у них времени.

Растянулось молчание, притихли ожидающие селяне. Мальчик мучительно принимал решение.

— Я поеду учиться. Но сначала проведу в последний путь свою матушку. Дозвольте мне, барин.

— Дозволяю. — Николай Митрофанович спокойно кивнул, обернувшись на звук колокольцев, прикрепленных к лошадям исправника, а затем коротко указал Варваре на ее лошадку и двинулся навстречу полицейскому служащему.

Вот-вот ее должен был забрать Агап.

Горюющему мальчишке не было никакого дела до нескладной низенькой барской дочки — тощая, будто нахлещенный вороненок в кипе своих одежд и с туго подвязанным под подбородком платком. Но ее тихие слова заставили поднять голову, увидеть за пеленой слез не по возрасту взрослый пронзительный взгляд сиреневых глаз.

— Я бы тоже мстила, Яков. Каждому по заслугам, а ежели они взяли на свою душу такой грех, так гореть им при жизни и при смерти.

ЛИЗАВЕТА МЯГЧИЛО

В тот день вернулся барин к поместью за полночь, поцеловал беспокойно мечущуюся по пуховой подушке дочь в черноволосую макушку и отправился в свои покои.

В тот день еще никто не мог помыслить, что через десять лет крепостной Яков исчезнет из Московской академии врачей, а следом перевернется вся их жизнь. Те слова, сказанные несчастному мальчишке у материнского тела, потянут в адскую пучину многих.

ГЛАВА 1

Ведьмины корни

В комнате Аксины Федоровны, несмотря на удушающее пекло жнивения¹ за окном, было до невозможного холодно. И слишком темно.

В последние дни бабушка Варвары совсем сдала: прекратила спускаться трапезничать, не выходила на аккуратную липовую аллею, не сидела в заботливо подкрашенной белой краской беседке. В третий день месяца она сослалась на летнюю духоту и головные боли, на четвертый — не сумела подняться с кровати.

Приехавший семейный доктор лишь сочувствующе развел руками. Была в его жесте беспомощность, кольнувшая Варвару тревогой. «Возраст, дорогие барыни, непоколебимая страшная вещь. Уважаемая Аксиныя Федоровна разменяла девятый десяток, удивительная длина жизни. Богу угодно прибрать ее, но явных причин и болезней я не нахожу».

После его приезда матушку словно подменили. Заботливой дочерней рукой она отправляла все новых и новых служанок для облегчения последних материнских дней. Ко-

¹ Старославянское название августа.

ротала долгие летние вечера, сидя в высоком кресле у кровати Аксиньи. Но вот Варваре она заходить в бабушкину комнату строго-настрого запретила. Позволила лишь одну встречу под своим пристальным надзором. Когда бабушка с улыбкой протянула внучке свои руки, мать неожиданно злобно выпроводила Варвару за двери:

— Попрощались — и полно, нечего тебе смотреть на увядание родного человека. Сбереги образ нежной и пышущей здоровьем женщины.

В голосе звенела та самая сталь, которую слышала Варвара в далеком детстве с уст обожаемого батюшки. На десятом году ее жизни отца сбросила лошадь, смерть его была быстрой и безболезненной. Только этой мыслью оставалось утешаться. И тогда матушка взяла на себя главенствующую роль. Неоднократно Варвара замечала за нею его замашки: то устало разотрет виски, с резким выдохом выравнивая натруженную долгим сидением за документами спину. То скажет холодно, так, что пререкаться становится боязно. Для крепостных не переменилось ничего, а пред Варварой схлопнулся знакомый устоявшийся мир, оставив с пустой тяжестью на сердце и убежденностью, что судьба ее бессовестно обокрала.

Не было больше душевных разговоров и отцовских объятий, не было желания делиться самым сокровенным, глубоким и затаенным. Матушка не принимала ее эмоций. Сухая, черствая, она, несомненно, желала для дочери всего лучшего, но к чувствам ее была глуха. Существовал лишь долг. Обязанности и укоры, если сил Варвары для достижения достойных результатов было недостаточно.

Все переменилось, когда к ним в поместье переехала бабушка. Варвара вновь научилась дышать. Рядом с Аксиньей Федоровной не нужно было маяться, обличая чувства в кра-

БРУСНИЧНОЕ СОЛНЦЕ

сивые обертки подобающих слов: мудрая женщина понимала ее как никто другой. Поддерживала, защищала от давящего материнского напора скрипучим низким голосом. И тогда матушка нехотя отступала. Кривила подведенные губы, приглаживала черные как смоль волосы, уложенные в тугой пучок, и поспешно удалялась прочь.

Совсем разные. Порою Варвара изумлялась, как у заботливой, открытой женщины могла появиться такая холодная и спокойная дочь. Будто бурный несокрушимый поток дал жизнь бездонному черному озеру, покрытому толщей непробиваемого льда.

Невероятно, но вместе с Аксиньей в поместье забрался страх. Служанки достали нательные крестики из-за шиворотов льняных рубах. Теперь они красовались гордо, отливая железными боками, притягивая взгляды бельмом на светлой ткани. Бабушка лишь тянула линию тонких губ в жесткой улыбке.

«Вида моего боятся, ведьмой считают. Варюшка, не бери до головы, пущай. Уж коли им так спокойнее, так пусть хоть на лбу защитные молитвы начертает и святой водой по вечерам отпаиваются».

Материнское начало не было знатным, бабушка, ее бабушка и прабабки, которых она помнила, — каждая женщина их рода была деревенской. Но особенной стала одна Аксинья Федоровна. Родилась она лютой зимой, словно из этой ледяной пурги и сотканная: белоснежная кожа, легкий, едва приметный белый пух волос и алые глаза. Чудом было то, что прабабка не пожелала от нее избавиться, что ребенок выжил и вырос, не зная боли материнского отторжения и разочарования. Бедная крестьянская семья слишком долго ждала своего первенца и полюбила его таким, каким даровал Господь. Боящимся солнца, презирае-

